

УДК 159.964.26

РОЛЬ С.Н. ШПИЛЬРЕЙН В ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО БАЗИСА АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

В.В. Балановский^а

^а Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14

Дается оценка роли С.Н. Шпильрейн в формировании теоретического базиса аналитической психологии. Демонстрируется значимость ее научного вклада в развитие представлений К.Г. Юнга о комплексе, фило- и онтогенезе психики, психогенезе шизофрении, коллективном бессознательном и деструкции. Особый акцент делается на последние два момента. Кроме того, выявляются некоторые различия в понимании сущности феномена деструкции С.Н. Шпильрейн, К.Г. Юнгом и З. Фрейдом.

Ключевые слова: С.Н. Шпильрейн; К.Г. Юнг; аналитическая психология; коллективное бессознательное; деструкция.

Первое близкое знакомство с представителем русской культуры у Юнга произошло в 1904 г. Тогда в швейцарскую психиатрическую клинику Бургхельцли, где он работал, привезли уроженку Ростова-на-Дону Сабину Николаевну Шпильрейн. Юнг стал лечащим врачом восемнадцатилетней девушки. Для него Шпильрейн оказалась первой во многих аспектах. Она стала первым душевнобольным, на котором Юнг опробовал психоанализ. Шпильрейн оказалась его первой пациенткой, которая стала впоследствии прославленным ученым – доктором медицинских наук – и коллегой-психиатром. Во взаимоотношениях с Сабиной Николаевной Юнг впервые на своем опыте пережил, что такое Анима и какую роль этот архетип играет в жизни каждого мужчины [1. С. 129]. Шпильрейн стала первой женщиной, которая буквально свела его с ума, и одним из первых сильнейших разочарований в людях [2. Р. 229].

Если говорить о влиянии Шпильрейн на развитие психологии в целом, необходимо отметить, что Сабина Николаевна заложила основы детского психоанализа и организовала первый в мире научный семинар по этой теме в Москве в 1924 г. [3. Р. 81–82]. А. Фрейд сумела сделать нечто подобное только в 1927 г. [Ibid. Р. 80]. Нарботки Шпильрейн в области детской психологии предвосхитили открытия Л.С. Выготского, М. Кляйн, Д. Винникота [1. С. 6] и Ж. Пиаже, для которого она стала не только аналитиком, но и наставником и другом [4. Р. 271]. Помимо этого, Сабина Николаевна

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-78-00093.

создала оригинальную концепцию деструкции, оказавшую влияние на взгляды З. Фрейда [5. Р. 49] и Юнга. Кроме того, она одной из первых начала систематическое изучение женской психики [6], что в современных условиях активного развития гендерных исследований вызывает повышенный интерес [7. Р. 2–3].

Активное изучение творчества Шпильрейн началось не так давно. Точкой отсчета можно считать опубликование в 1974 г. избранной переписки Фрейда и Юнга [2], где Сабина Николаевна упоминается в 27 письмах. Следующим этапом переоткрытия наследия Шпильрейн стала монография А. Каротенуто. Книга стала бестселлером после ее перевода с итальянского на английский язык в 1982 г. [8]. Так как главной задачей Каротенуто было изучение феномена переноса и контрпереноса, то это во многом предопределило характер последующих публикаций о Сабине Николаевне. Даже в научной литературе до сих пор превалирует перекокс в сторону обсуждения личной жизни Шпильрейн, а не всестороннего анализа ее идей.

Следующей вехой стал выход сборника трудов Сабины Николаевны на немецком языке в 1986 г. [9]. Особый вклад в изучение наследия Шпильрейн принадлежит И. Вакенхут и А. Вильке [10]. Помимо собственно исследовательской части, в их коллективной диссертации содержатся ценные дневниковые записи Сабины Николаевны и ее переписка. Кроме того, до сих пор одной из наиболее взвешенных работ, посвященных Шпильрейн, остается ее биография авторства С. Рихебехер [1].

Число публикаций о Сабине Николаевне с каждым годом только растет, правда, преимущественно на Западе. Свежий пример – коллективная монография под редакцией П. Купер-Уйат и Ф.Б. Килкорс [11]. Первая часть книги состоит из статей о различных этапах творчества Шпильрейн, вторая – из новых переводов ее трудов на английский. Здесь же следует отметить труды Дж. Лаунера [12], А.М. Селлс [7], М.Г. Пластова [13]. Среди российских исследователей творчества Шпильрейн следует отметить В.И. Овчаренко [14], Ф.Р. Филатова [15], С.Ф. Сироткина и Е.С. Морозову, Е.А. и В.Г. Ромек, племянника и племянницу Сабины Николаевны академика РАН Э.Э. Шпильрайн и переводчицу М.И. Шпильрейн [14. С. 69].

Вместе с тем в научной литературе до сих пор не в полной мере раскрыт потенциал идей Шпильрейн. Исследователей по-прежнему больше увлекают личная история, переживания, авторский стиль Сабины Николаевны, нежели всесторонняя оценка ее вклада в аналитическую психологию. Исправить ситуацию планировал Лаунер, но, к сожалению, он тоже дает очередное подробное жизнеописание Сабины Николаевны [12]. Однобокость рассмотрения личности и вклада Шпильрейн подчеркивает и Селлс. Но и ее больше интересуют дневники и письма Сабины Николаевны, ее переживания и стиль, а не научные идеи. Главная задача Селлс – переинтерпретации текстов Шпильрейн с мифопоэтической и феминистской точек зрения [7. Р. 2–3]. Здесь же следует упомянуть Пластова, который тоже пишет, что внимание к научным достижениям Шпильрейн ослаблено из-за фокусирования на ее отношениях с Юнгом и Фрейдом [13. Р. viii]. Но и он

больше концентрируется не на вкладе Шпильрейн, а на том, как в ее текстах раскрывается тема любви, причем не абстрактной, а вполне конкретной любви к Юнгу.

Главная цель данной статьи – восполнение недостатка фундаментальных исследований, посвященных всесторонней объективной оценке научного вклада Сабины Николаевны в развитие аналитической психологии. Ключевой метод, на основе которого получены результаты, – сопоставительный анализ идей Шпильрейн и Юнга с привлечением источников, в том числе архивных материалов, и критической литературы. Ввиду ограниченности объема статьи основное внимание уделяется концепции деструкции, остальные моменты затрагиваются вскользь.

Роль Шпильрейн в обосновании теории комплекса

Первым опубликованным научным трудом Шпильрейн стала статья [16], материалом для которой послужила ее докторская диссертация, защищенная в Университете Цюриха в сентябре 1911 г. [1. С. 377]. Научными руководителями исследования Сабины Николаевны выступили О. Блэйлер и Юнг, причем первый решал организационные вопросы, второй занимался содержательной частью. Поэтому неудивительно, что в своем исследовании Шпильрейн, прежде всего, решала задачи, стоявшие перед Юнгом. Первая среди них – эмпирическое обоснование новой теории комплекса. С задачей Сабина Николаевна справилась блестяще. Она доказала, что комплексы не только множественны, но при определенных условиях стремятся к автономии, вплоть до полного замещения эго-сознания. Более того, Шпильрейн приходит к заключению, что душа не является априори целостной, а состоит из множества разнообразных комплексов [17. С. 117]. Нечто похожее в явном виде встречается в текстах Юнга почти на 8 лет позже [18. Р. 307].

Первое открытие Шпильрейн имело важное значение для дальнейшего развития аналитической психологии. Оно подготовило почву для последующих выводов Юнга о фило- и онтогенезе психики. Он заключает, что явно выраженное эго-сознание и целостная душа – сравнительно позднее завоевание человечества [19. Р. 67], и это видно на примере разрозненной психики архаичного человека [Ibid. Р. 63]. Поэтому и каждый индивидуум в процессе своего развития должен пройти эти стадии формирования доминанты личности и консолидации вокруг нее менее сильных комплексов в процессе так называемого «комплексного срастания» [Ibid. Р. 70].

Такая гипотеза фило- и онтогенеза психики дает ключ к новой концепции психогенеза шизофрении, зачатки которой можно разглядеть в одной из ранних психоаналитических работ Юнга 1907 г. [20]. Суть идеи в том, что это заболевание является следствием нарушения онтогенеза психики, точнее, ее регресса к архаическому принципиально диссоциированному состоянию. Причем в таком состоянии коллективные содержания превалируют над индивидуальными. То, что при шизофрении коллективные содержания прорываются наружу и занимают доминирующее положение,

Шпильрейн заметила одной из первых в истории психоанализа [21. С. 82]. Впоследствии Юнг также отмечал, что под шизофренией понимает расстройство, в результате которого разрушаются личностные напластования психики и остаются только общекультурные содержания [22. Р. 243]. Именно этот факт и невозможность объяснить его с точки зрения классического фрейдизма натолкнул Юнга на идею наличия некоего источника всех этих коллективных содержаний – коллективного бессознательного.

Понятие родовой души у Шпильрейн как предвосхищение концепции коллективного бессознательного

Главными источниками представлений Шпильрейн о некой психической реальности, подобной коллективному бессознательному, являются ее первые фундаментальные труды, опубликованные в 1911 и 1912 гг. [16, 23]. В них содержатся идеи, которые потом органично вошли в аналитическую психологию Юнга. В первой работе формулируется и обосновывается первоначальная гипотеза о наличии коллективных бессознательных структур в психике и их роли в получении психического опыта и психогенезе шизофрении. Во второй статье эта гипотеза облекается в четкое понятие «души рода», или «родовой души», противостоящей «Я-душе». Понятие родовой души оказывается наиболее близким понятию коллективного бессознательного в аналитической психологии.

Как отмечает в своей первой статье Шпильрейн, она восприняла идею Фрейда и Юнга, что бред шизофреников можно рассматривать по аналогии с содержаниями неврозов и сновидений [21. С. 81]. Как полагала сама Сабина Николаевна, ее новаторство заключалось в том, что для дешифровки этих содержаний она предложила обратиться к мифологическим образам и сюжетам. В итоге Шпильрейн делает вывод: «...у человека двойное переживание: сознательное и бессознательное» [Там же. С. 81]. Причем здесь имеется в виду не личное бессознательное, хорошо изученное Фрейдом, а нечто, относящееся к глубинным коллективным пластам психики. Так, Сабина Николаевна пишет, что когда мы переживаем радость, то это чувство – не только сиюминутное наше чувство, но оно также имеет отношение «к предшествующим переживаниям», унаследованным от предков [Там же. С. 82]. Конечный итог своего исследования Шпильрейн формулирует следующим образом: «Бессознательное позволяет нам судить о настоящих личностных конфликтах, о конфликтах филогенетического прошлого, из которого происходят личные переживания, и, возможно, о будущем развитии вещей, потому что будущее состоит из прошлого» [Там же. С. 84]. Высказывание вполне в духе аналитической психологии Юнга, до появления которой оставалось еще несколько лет.

В статье «Деструкция как причина становления» Шпильрейн развивает свои идеи, связанные с ролью коллективных содержаний психики. Здесь она тоже отмечает, что «событие имеет для нас эмоциональную окраску лишь в той мере, в какой оно может возбудить ранее пережитые, эмоцио-

нально окрашенные содержания... скрытые в бессознательном» [17. С. 120]. Но в этом бессознательном скрывается еще кое-что – неодолимое стремление к деструкции или трансформации, источником которого является родовая душа. Ей противостоит установка Я-души на сохранение своего текущего состояния. Таким образом, наша психика становится полем битвы двух этих стремлений, поскольку «родовая душа хочет сделать Я-представление безлично типичным, Я-душа защищается против такого растворения» [Там же. С. 120]. Если одна из этих сил берет верх, то это приводит к расстройству. Так, шизофрения является следствием перекоса в сторону родовой души, когда личностные содержания разрушаются и вытесняются коллективными [Там же. С. 121]. Похожее объяснение психогенеза шизофрении встречается у Юнга.

Один из главных выводов «Деструкции...» заключается в том, что «наша душа скрывает в своей глубине идеи, не соответствующие более нашей сегодняшней сознательной работе мышления, которые мы не можем понять прямо; однако мы находим эти представления в сознании наших предков, о чем мы можем заключить по мифологическим и другим произведениям духа» [Там же. С. 140–141]. Чем не манифест аналитической психологии, некоторые ключевые идеи которой Шпильрейн в явном виде формулирует значительно раньше, чем Юнг? Вместе с тем, чтобы объективно оценить оригинальность и приоритет теоретических наработок Сабины Николаевны, необходимо учитывать несколько факторов.

Во-первых, как отмечалось выше, первая статья Шпильрейн была подготовлена на базе ее диссертационного исследования, фактическое руководство которым осуществлял Юнг, решая стоящие перед ним научные задачи. Поэтому Сабина Николаевна испытывала несколько противоречивые чувства по отношению к своей диссертации, которая была подобна нелюбимому первенцу. Так, 26 ноября 1910 г. Шпильрейн записала в дневнике, что диссертация для нее важна только лишь как пропуск в Психоаналитическое общество [8. Р. 35]. Ставка, кстати, сыграла – Сабину Николаевну приняли в 1911 г. [Ibid. Р. 219]. Гораздо более теплые чувства Шпильрейн испытывала к статье «Деструкция как причина становления» (рабочее название – «Об инстинкте смерти» [Ibid. Р. 35]), которая стала ее первым самостоятельным трудом. К тому же в своей диссертации Сабина Николаевна чаще других источников цитировала статью Юнга «Психология dementia praecox» [20], что также указывает на основной источник ее вдохновения.

Во-вторых, Юнг раньше вышел на факты, которые привели его к открытию коллективного бессознательного. В частности, одной из причин рефлексии на эту тему стал богатейший эмпирический материал, полученный в результате внедрения в клиническую практику разработанной им арт-терапии [24. Р. 202–205]. Применять этот метод, равно как и метод свободных ассоциаций, Юнг начал почти в самом начале карьеры в Бургхёльцли.

Кроме того, как отмечает Юнг в рукописи одного из своих неопубликованных трудов [25. Р. 1], особый интерес к проблеме бессознательных

процессов психики у него пробудила вышедшая в 1906 г. статья основоположника экспериментальной психологии в Швейцарии Т. Флурнуа [26]. В этой статье описывается случай медиума К.-Э. Мюллер, которая во время спиритических сеансов рассказывала о своих прошлых воплощениях. Юнг очень тепло отзывался о Флурнуа, который оказал ему поддержку во время разрыва с Фрейдом и у которого он научился несколько издалека изучать объект своего исследования, чтобы видеть его яснее [27. S. 378–379]. Есть и другие факты, указывающие на то, что до выхода статьи Шпильрейн Юнг проявлял сильный интерес к коллективным содержаниям психики [2. P. 251].

В-третьих, после 1912 г., т.е. после расставания с Юнгом и переезда в Вену, из трудов Шпильрейн исчезают понятия, близкие по смыслу и духу понятию коллективного бессознательного. Трудно сказать, почему так произошло. Возможно, она боялась высказываться в духе юнгианства, так как опасалась негативной реакции своих новых друзей из Венского психоаналитического общества. Известно, что Фрейд не отличался терпимостью к вероотступникам. Это Сабина Николаевна испытала на себе, когда первый же ее доклад [28] на заседании Общества был жестко раскритикован за созвучность идеям Юнга. Другая возможная причина может заключаться в том, что Юнг просто использовал Шпильрейн для предварительной апробации своих идей, с которыми опасался сам выступать в печати. Поэтому впоследствии Сабина Николаевна с легкостью избавляется от остатков юнгианства в своих статьях как от ненужных дополнительных построений и продолжает работу в русле фрейдистского психоанализа.

Вклад Шпильрейн в развитие понятия деструкции

Какой бы ни была причина отказа Шпильрейн от использования понятий, близких по содержанию коллективному бессознательному, этот шаг в какой-то мере ставит под сомнение статус ее главного открытия. Дело в том, что без предположения о существовании души рода и ее антагонизма с Я-душой опору и логику теряет учение о деструкции, в котором исследователи усматривают важнейший оригинальный вклад Сабины Николаевны в психоанализ и аналитическую психологию. Правда, следует отметить, что Фрейду удалось вобрать и переработать идеи Шпильрейн без принятия их оснований. Под влиянием ее концепции деструкции в труде «По ту сторону принципа удовольствия» он дополняет принцип влечения к жизни принципом влечения к смерти [5. P. 49]. Причем делает это даже несмотря на пренебрежительно-снисходительное отношение к Сабине Николаевне, которую он называл яркой и ненормально амбивалентной [2. P. 494], а идеи, изложенные в «Деструкции...», не до конца ясными [5. P. 49]. Так, может, учение Шпильрейн о деструкции на самом деле вполне самостоятельно и не нуждается в постулировании дополнительных метафизических сущностей вроде души рода? Может. Однако прямое обращение к тексту не позволяет подтвердить это предположение с абсолютной уверенностью.

Действительно, статья «Деструкция как принцип становления» начинается с постановки вполне конкретной задачи. Шпильрейн задается вопросом, «почему это самое могущественное влечение, влечение продолжения рода, наряду с положительными чувствами, которые а priori можно ожидать, содержит отрицательные, такие как страх, отвращение, которые, собственно, должны быть впоследствии преодолены» [17. С. 109]. В первом приближении ответ на этот вопрос Шпильрейн дала в 1911 г. в докладе «О трансформации» [28]. В «Деструкции...» она развернула мысль с привлечением обширного фактического материала. Рассмотрение проблемы Шпильрейн начинает с краткого изложения биологических фактов, связанных с ролью деструкции в природе, затем переходит к психологическому рассмотрению, где впервые появляется термин «родовая душа», и заканчивает анализом мифологических сюжетов.

Разработать свою концепцию деструкции Шпильрейн побудили в первую очередь идеи И.И. Мечникова и Юнга. Поэтому совсем не удивительно то, что Сабина Николаевна начинает «Деструкцию...» с биологических параллелей. Как отмечалось выше, изначально эта статья назвалась «Об инстинкте смерти», что отмечено в ее дневнике [8. Р. 35]. Почему было выбрано именно такое рабочее название, становится понятным, если обратиться к докладу Сабины Николаевны «О трансформации» [28].

В докладе «О трансформации» очень кратко изложены основы новой концепции деструкции. Он начинается со ссылки на небольшое эссе И.И. Мечникова «О естественной смерти» [Ibid. S. 314], вышедшее в сборнике с жизнеутверждающим названием «Этюды оптимизма» (1907) [29]. В этой работе выдвигается гипотеза о том, что и животным, и человеку присущ совершенно нормальный инстинкт «естественной смерти», т.е. такой смерти, которая происходит не по причине старости или болезни организма. Также в начале доклада Шпильрейн отмечает, что опиралась на представления Юнга о том, что всякое желание имеет два противоположных компонента, один из которых всегда лишь немного превалирует над другим [Ibid].

Следует отметить, что своим обращением к наукам о жизни Шпильрейн сильно удивила обоих своих учителей и покровителей. Так, 30 ноября 1911 г. Фрейд, оценивая доклад «О трансформации», пишет Юнгу, что Сабина Николаевна подчиняет психологию биологии [2. Р. 469]. Но такая зависимость неприемлема, равно как зависимость от философии, физиологии или анатомии мозга, поскольку психоанализ идет своим путем [Ibid]. На это 11 декабря 1911 г. Юнг парирует, что знает о слишком большом увлечении Шпильрейн биологией, которое, впрочем, Сабина Николаевна почерпнула не у него, и подчеркивает, что этот интерес является чем-то «доморощенным» [Ibid. Р. 470–471]. Вместе с тем Юнг добавляет, что хоть и предпочитает, чтобы психоанализ оставался в своих границах, взгляд на его предмет с других точек зрения – идея хорошая [Ibid. Р. 471].

Помимо прочего, в докладе «О трансформации» встречается важный для концепции Шпильрейн тезис о том, что в мифах любая трансформа-

ция, даже с целью улучшения, воспринимается как смерть. Отсюда истоки нашего страха всякого изменения, поскольку оно означает потерю прежнего состояния психики, т.е. маленькую смерть нашего Я [28. С. 314]. При этом, как подчеркивает Шпильрейн, вечная жизнь – тоже не выход. В народном сознании это не великое счастье, а тяжкое бремя. В качестве примера такого проклятья Сабина Николаевна приводит легенду о «Летучем голландце».

Таким образом, в основе представлений Шпильрейн о деструкции лежит идея, согласно которой вечное противостояние направленности психики на самосохранение и на трансформацию через деструкцию является двигателем всех изменений в жизни человека, причиной смены череды малых и больших смертей и возродений в преображенном виде. Чтобы объяснить природу этой амбивалентности желаний, Сабине Николаевне потребовалось ввести понятие родовой души. Ища источник инстинкта смерти, она приходит к выводу, что в то время как «Я-душа может желать только чувства удовольствия» [17. С. 121], родовая душа заставляет нас желать не только того, что воспринимается нами как нечто благое, но и чего-то противоположного [Там же]. Например, Я-душа, которая на передний план выдвигает самосохранение, может всеми силами сопротивляться взрослению, неизбежно ведущему к изменению привычного status quo, что крайне травматично для эго. Но, как справедливо отмечает Филатов, «борьба индивидуальной души и души рода – не есть жизнеотрицание, это непрерывное становление, развитие» [15. С. 254].

Описывая процесс взаимодействия этих двух противоположных начал нашей психики, Шпильрейн поясняет, что «родовая Душа хочет ассимилироваться в сохранившейся до нашего времени Я-душе, в то время как Я, да и каждая его частица, обладает стремлением к самосохранению в настоящей форме (способность упорства). Душа рода, отрицающая настоящее Я, вместе с тем сотворяет его этим отрицанием заново, так как затонувшая частица Я опять выныривает в новые представления, одетая богаче, чем раньше» [17. С. 121]. В результате таких циклов противостояния мало-различимый в общей массе индивид превращается в уникальную личность, в подлинного человека.

Такое понимание очень близко взглядам Юнга, его концепции индивидуации. Он описывал механизм развития личности через знакомство эго с Тенью, т.е. погружение личных содержаний в коллективное бессознательное с последующим преображением личности, если, конечно, бессознательное не поглотит сознание. На языке алхимиков этот процесс называется обновлением «Короля», которое завершается рождением «ребенка» – «Короля-Солнца» [30. Р. 355–376], т.е. появлением, выражаясь языком Шпильрейн, богаче одетого Я. Необходимость обновления «Короля» вызвана тем, что мы приходим в этот мир не с готовой жестко центрированной личностью, а с неким ее задатком, доминантой, которая вырастает внутри психики как живое существо с течением времени [Там же. Р. 370], повторяя тем самым в ходе своего онтогенеза филогенетическое развитие души. Вместе с тем,

пока мы в ходе борьбы противоречивых чувств, желаний, поступков «зреем», нам от родителей и общества даются принципы, которые не вырастают из нашего опыта, может, даже находятся в антагонизме с нашими внутренними структурами, но при этом позволяют успешно функционировать в обществе до того момента, как явится на свет наше подлинное Я. Вот эта «временная» личность, нами не выстраданная, но нам подаренная, и есть тот самый старейший «Король», который в процесс обновления «умирает», освобождая место своему сыну – «Королю-Солнцу», т.е. обновленной подлинной личности.

В качестве демонстрации становления через деструкцию Шпильрейн приводит афоризм Ницше: «Человек есть нечто, что должно превзойти» [31. С. 14]. Она интерпретирует эту фразу следующим образом: ты должен превзойти (разрушить) себя, иначе не создать ничего более совершенного, чем ты, например ребенка [17. С. 133]. Но под ребенком можно мыслить любое новое и лучшее, что появляется только после разрушения старого.

Пытаясь определить сущность индивидуального стремления к сохранению своего состояния и родового стремления к трансформации, Шпильрейн отмечает, что первое – «это простое влечение», которое имеет только один – положительный – компонент [Там же. С. 140]. В свою очередь, «влечение сохранения вида, которое должно растворить старое, чтобы осуществилось новое, состоит из положительного и отрицательного компонентов» [Там же]. Причем оно имеет амбивалентную природу, из-за чего «возбуждение положительного компонента вызывает одновременно возбуждение отрицательного, и наоборот» [Там же]. Инстинкт самосохранения Сабина Николаевна называет статическим, поскольку он призван «защищать уже существующего индивида от чуждых влияний» [Там же], а влечение сохранения вида – динамическим, поскольку оно стремится к трансформации и ««воскрешению» индивида в новой форме» [Там же].

Значение деструкции в концепции Шпильрейн не ограничивается только лишь внутренним миром индивида. Без этого механизма невозможна никакая коммуникация. Так, согласно Шпильрейн, индивидуальное переживание возникает только тогда, когда оно накладывается на опыт подобных переживаний наших предков. То есть в качестве основы личных содержаний психики мы берем некие элементы из родовой души и расцветиваем их индивидуальными тонами. Но как передать свои переживания другому? Для этого необходимо произвести обратную операцию – произвести акт деструкции, чтобы удалить из нашего переживания все слишком индивидуальное [Там же. С. 122–124], а значит, не имеющее ни малейшего шанса быть воспринятым другими. Далее получившийся продукт необходимо довести до сознания нашего визави, чтобы тот «расцвел» воспринятое от нас своими содержаниями. В этом состоит суть общения. Выходит, что чтобы выразить себя, высказаться, нужно отчасти разрушить свою индивидуальность и растворить свои содержания в более общем коллективном субстрате, чтобы другой смог его воспринять-впитать.

Итог рассуждений Шпильрейн о деструкции таков: «Смерть сама по себе ужасна, смерть на службе сексуального инстинкта, т.е. как его разрушающий компонент, ведущий к становлению, приносит благо. Вечная же жизнь не приносит человеку блага» [17. С. 152–153]. Во многом Юнг как первооткрыватель двойственности сексуального инстинкта согласился со сказанным Шпильрейн в «Деструкции...», однако он не принял сам термин «инстинкт смерти». Ему больше по душе термин Гёте «другой инстинкт», который характеризует не телесную, а духовную составляющую человека [32. Р. 328]. Что же касается Фрейда, то формально он принял сказанное Шпильрейн, однако по содержанию под инстинктом смерти понимал нечто другое.

Так, для Шпильрейн, как, впрочем, и для Юнга, существует большая разница между смертью как трансформацией и смертью как полным концом, прекращением всех трансформаций. Все потому, что смерть как переход – это стремление к прекращению своего существования в данном конкретном, зачастую не устраивающем человека состоянии, так как предполагается, что после разрушения тормозящих развитие субъекта факторов сам он продолжит пребывать в более желательном состоянии. Именно поэтому Шпильрейн отмечает, что «в нашей глубине есть что-то, как бы парадоксально это ни звучало, а *rigor* желающее этого самоповреждения, поскольку Я реагирует на это с удовольствием» [17. С. 117]. То есть такая деструкция является желаемой, а значит, она работает мотивом, а это – главное свойство подлинного инстинкта – побуждать к чему-то через желание этого.

В этом смысле полная смерть – уничтожение субъекта в любом качестве и навсегда – никак не может быть инстинктом. Наоборот, стремлением любого живого существа является избегание и нежелание тотального конца, что и выражается в инстинкте самосохранения. Но Фрейд под инстинктом смерти понимает как раз стремление к полному уничтожению, остановке всех процессов. Это вытекает из его консервативной концепции либидо [15. С. 250–251]. Фрейд полагал, что живое всегда стремится к своему прежнему состоянию, а прежде всего живого, как известно, было неживое, поэтому «*цель всей жизни – смерть*» [5. Р. 32]. Неужели Фрейд ошибся? Судя по всему, он просто оказался в плену рокового заблуждения, которое толкает людей на суицид. Действительно, мысли о самоубийстве возникают и становятся побудительным мотивом, когда индивид начинает интерпретировать стремление к смерти-трансформации – изменению текущего не устраивающего его состояния – как стремление к прекращению всех изменений, к абсолютной смерти. Обратная ситуация тоже приводит к ряду психических отклонений. В этом случае индивид свое нормальное стремление к трансформации путает с угрозой смерти, поэтому старается максимально оградить себя от объективно назревших изменений и из-за этого начинает терять связь с реальностью. Избавиться от этой путаницы непросто.

Можно сказать, что разница в подходах к деструкции Шпильрейн–Юнга и Фрейда обусловлена тем, что они строили свои концепции в разных парадигмах. Стремление к смерти как трансформации отражает харак-

тер *живой* природы, которая, чтобы жизнь продолжалась, стремится к постоянному изменению, совершенствованию и распространению своих форм. Стремление к смерти как к полному концу, тотальной остановке всех процессов отражает характер *неживой природы*, над которой довлеет принцип деградации, упадка, разложения неорганического на простые элементы, энтропии. Шпильрейн с Юнгом находились в рамках так ценимой русскими мыслителями органической парадигмы, а Фрейд был сторонником более консервативных взглядов и оставался в рамках механистической и термодинамической парадигм.

Из сказанного выше нетрудно сделать вывод о том, что учение Шпильрейн о деструкции довольно сложно отделить от ее же гипотезы о родовой душе и двух инстинктах: самосохранения индивида и сохранения вида. Конечно, можно попытаться, подобно Фрейду, принять только одну часть концепции, но, как было показано, такой подход приводит к утрате изначального смысла, который вложила в понятие деструкции Шпильрейн. Поэтому не совсем понятно, кто является побудителем, управителем и конечным бенефициаром проведенной Сабиной Николаевной работы по развитию понятия деструкции.

Справедливость указанного сомнения подтверждается тем, что понятие деструкции в трудах Шпильрейн постигла такая же судьба, что и понятие коллективного бессознательного – этот термин также исчезает из текстов Сабины Николаевны практически сразу после выхода статьи, где он вводится и наполняется новым оригинальным содержанием, т.е. после 1912 г. Последний раз в том же смысле, что и в «Деструкции...», этот концепт появляется в небольшой статье 1912 г. [33].

Заключение

В своем не очень обширном научном наследии Шпильрейн удалось раскрыть сущность многих ключевых для аналитической психологии понятий. Среди них комплекс, либидо, коллективное бессознательное, индивидуация, деструкция и не только. Это, безусловно, выдающийся результат. Конечно, как было показано, не всегда удастся с точностью определить степень самостоятельности и оригинальности идей Сабины Николаевны. Но факт остается фактом: она была первой и она действительно оказала значительную помощь в формулировании Юнгом его собственной концепции, став на какое-то время его помощницей и опорой.

Особого внимания заслуживает учение Шпильрейн о деструкции. Сабина Николаевна провела кропотливую исследовательскую работу и проследила, как этот принцип реализуется в содержаниях психики душевнобольных и здоровых людей, в мифологических образах и сюжетах и на всех уровнях существования жизни, начиная с ее досознательных форм. Достичь таких блестящих результатов Шпильрейн удалось не в последнюю очередь благодаря тому, что она не побоялась использовать, как мы бы сейчас сказали, междисциплинарный подход. В частности, она обрати-

лась к биологии и была вознаграждена. Идеи Мечникова и Юнга, помноженные на знания Шпильрейн, дали неожиданно яркий результат, хоть Фрейд негативно воспринял такое вероотступничество от психоанализа, а Юнг сделал вид, что не полностью одобряет увлечения своей ученицы, но препятствовать не стал. В итоге представления о деструкции как причине становления в качестве одного из фундаментальных принципов психики органично вписались в аналитическую психологию, переплетаясь с другими ее важнейшими концептами: комплексом, либидо, коллективным бессознательным.

Литература

1. Рихебехер С. Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке» / ред. Л.М. Алексеева; пер. К.А. Петросян, И.Е. Попов. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 413 с.
2. The Freud / Jung Letters: the Correspondence Between Sigmund Freud and C.G. Jung / W. McGuire (ed.); R.F. C. Hull, R. Manheim (trl.). Princeton : Princeton University Press, 1974. xlii, 650 p.
3. Dyer R. Her Father's Daughter: the Work of Anna Freud. New York : Jacob Aronson, 1983. xvii, 323 p.
4. Vidal F. Sabina Spielrein, Jean Piaget – going their own ways // Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis / ed.: C. Covington, B. Wharton. New York : Brunner-Routledge, 2003. P. 271–286.
5. Freud S. Beyond the Pleasure Principle / trl. J. Strachey, introduct. G. Zilboorg. New York ; London : W.W. Norton & Company, 1975. xxii, 68 p.
6. Шпильрейн С.Н. Тёща // Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн / С.Ф. Сироткин, Е.С. Морозова (ред.). Ижевск : ERGO, 2008. С. 193–198.
7. Sells A.M. Sabina Spielrein: the Woman and the Myth. Albany : SUNY Press, 2017. 296 p.
8. Carotenuto A. A Secret Symmetry: Sabina Spielrein Between Jung and Freud / trl. A. Pomerans, J. Shepley, K. Winston. New York : Pantheon Books, 1982. xx, 251 p.
9. Sabina Spielrein: Ausgewählte Schriften / Hg. G. Bose, E. Brinkmann. Berlin, 1986. 272 S.
10. Wackenhut I., Willke A. Sabina Spielrein. Mißbrauchüberlebende und Psychoanalytikerin. Eine Studie ihres Lebens unter besonderer Berücksichtigung ihrer Tagebücher und ihres Briefwechsels : Diss. Hannover : Hannover Univ., 1994. vii, 267 S.
11. Sabina Spielrein and the Beginnings of Psychoanalysis: Image, Thought, and Language / P. Cooper-White, F.B. Kelcourse (eds.). New York : Routledge, 2019. xix, 374 p.
12. Launer J. Sex Versus Survival: the Life & Ideas of Sabina Spielrein. New York : Overlook Duckworth, 2015. xi, 307 p.
13. Plastow M.G. Sabina Spielrein and the Poetry of Psychoanalysis: Writing and the End of Analysis. New York : Routledge, 2019. 168 p.
14. Овчаренко В.И. Судьба Сабины Шпильрейн // Психоаналитический вестник. 1992. № 2. С. 64–69.
15. Филатов Ф.Р. Учение С.Н. Шпильрейн о деструкции: Теоретические и психобиографические аспекты // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 2. С. 246–259.
16. Spielrein S. Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1911. Bd. III, Hälfte I. S. 329–400.
17. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления // Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн / С.Ф. Сироткин, Е.С. Морозова (ред.). Ижевск : ERGO, 2008. С. 109–154.

18. Jung C.G. The Psychological Foundations of Belief in Spirits // *Collected Works* / eds.: H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire; trl. R.F.C. Hull. Princeton : Princeton University Press, 1972. Vol. 8. P. 301–318.
19. Jung C.G. Archaic Man // *Collected Works* / eds.: H. Read, M. Fordham, G. Adler; trl. R.F.C. Hull. Princeton : Princeton University Press, 1978. Vol. 10. P. 50–73.
20. Jung C.G. The Psychology of Dementia Praecox // *Collected Works* / eds.: H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire; trl. R.F.C. Hull. Princeton : Princeton University Press, 1982. Vol. 3. P. 1–151.
21. Шпильрейн С.Н. О психологическом содержании одного из случаев шизофрении (dementia praecox) // *Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн / С.Ф. Сироткин, Е.С. Морозова (ред.). Ижевск : ERGO, 2008. С. 3–85.*
22. Jung C.G. On the Psychogenesis of Schizophrenia // *Collected Works* / eds.: H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire; trl. R.F.C. Hull. Princeton : Princeton University Press, 1982. Vol. 3. P. 233–249.
23. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. 1912. Bd. IV, Hälfte I. S. 465–503.
24. Jung C.G. On the Nature of Psyche // *Collected Works* / eds.: H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire; trl. R.F.C. Hull. Princeton : Princeton University Press, 1972. Vol. 8. P. 159–234.
25. Jung C.G. Papers Collection, ETH Zürich University Archive, HS 1055: 957.
26. Flournoy T. Quelques faits d'imagination créatrice subconsciente // *Archives de psychologie*. 1906. № 5. P. 36–51.
27. Jung C.G. *Erinnerungen, Träume, Gedanken* / Hg. von A. Jaffé. Zürich : Walter Verlag, 2003. 426 S.
28. Spielrein S. Über Transformation // *Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung*. Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 1979. Bd. III: 1910–1911. S. 314–316.
29. Мечников И.И. О естественной смерти // Мечников И.И. *Этюды оптимизма*. М. : Наука, 1988. С. 90–127.
30. Jung C.G. *Mysterium Coniunctionis* // *Collected Works* / eds.: H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire; trl. R.F.C. Hull. Princeton : Princeton University Press, 1977. Vol. 14. xix, 702 p.
31. Nietzsche F. *Also sprach Zarathustra* / Hg.: G. Colli, M. Montinari. München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1999. 420 S.
32. Jung C.G. *Symbols of Transformation* // *Collected Works* / eds.: H. Read, M. Fordham, G. Adler, W. McGuire; trl. R.F.C. Hull. Princeton : Princeton University Press, 1976. Vol. 5. xxx, 735 p.
33. Шпильрейн С. Вклад в познание детской души / *Психоаналитические труды Сабины Шпильрейн / С.Ф. Сироткин, Е.С. Морозова (ред.). Ижевск : ERGO, 2008. С. 155–178.*

*Поступила в редакцию 06.05.2019 г.; повторно 29.01.2020 г.;
принята 31.01.2020 г.*

Балановский Валентин Валентинович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта, член Международной ассоциации исследования наследия Шпильрейн.
E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru

For citation: Balanovskiy, V.V. Role of Sabina Spielrein in Forming Theoretical Basis of the Analytical Psychology. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 75: 6–21. doi: 10.17223/17267080/75/1. In Russian. English Summary

Role of Sabina Spielrein in Forming Theoretical Basis of the Analytical Psychology

V.V. Balanovskiy^a

^aImmanuel Kant Baltic Federal University, 14, A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an objective assessment of the role of Sabina Spielrein – one of the Russian pioneers of psychoanalysis – in the forming of theoretical basis of analytical psychology. A bibliographic review precedes the main part, in order to show the prevailing bias towards the consideration of personal life and the subjective features of Spielrein's creativity, and not her ideas. In the first part the author briefly considers Spielrein's contribution to the empirical justification and further development of the complex theory and shows how her ideas are related to Jung's representations on the phylogenesis and ontogenesis of the psyche as a result of complex building-up and about the psychogenesis of schizophrenia. In particular, it is noted that Spielrein is the first one who clearly formulate a hypothesis, according to which our psyche a priori does not constitute anything integral, but is a combination of many complexes. In the second part the author focuses on the concept of species-psyche, which anticipates the concept of collective unconscious. He draws parallels between the ideas of Spielrein and Jung on the role of collective unconscious contents of the psyche in shaping the individual's current psychic experience. In particular, the author focuses on the idea that every experience is always both conscious and unconscious, and if it does not superimpose the entire history of similar experiences inherited from the ancestors then it does not reach the needed level of intensity. In the same part the author points out three factors that do not allow us to assert with complete confidence that the concept of species-psyche is the exclusive merit of Spielrein, even though she published her ideas before Jung. The third part gives an assessment of the contribution of Spielrein to the development of Jung's and Freud's views on the destruction. The author points out the two main sources of Spielrein's reflection on the destruction nature. The first is the ideas of the Russian biologist I.I. Mechnikov concerning the instinct of normal death. The second is Jung's ideas about the ambivalent nature of the libido. The author also demonstrates the close connection between the notion of species-psyche and the concept of destruction. Then a distinction is made between the simple static instinct of self-preservation and the ambivalent dynamic instinct of preservation of the species. In addition, the author compares Spielrein's and Jung's views on the essence of the destruction with the views of Freud. For this purpose a distinction is made between the death instinct as a positive drive for transformation through the destruction and the death instinct as the drive to completely destruction or stop of all processes.

Keywords: Sabina Spielrein; Carl Gustav Jung; analytical psychology; collective unconscious; destruction.

References

1. Rihebeher, S. (2007) *Sabina Shpil'reyn: "pochti zhestokaya lyubov' k nauke"* [Sabina Spielrein: "Almost Cruel Love to Science"]. Translated from German by K.A. Petrosyan, I.E. Popov. Rostov on Don: Feniks.
2. Freud, S. & Jung, C.G. (1974) *The Freud / Jung Letters: The Correspondence Between Sigmund Freud and C. G. Jung*. Princeton: Princeton University Press.
3. Dyer, R. (1983) *Her Father's Daughter: The Work of Anna Freud*. New York: Jacob Aronson.

4. Vidal, F. (2003) Sabina Spielrein, Jean Piaget – going their own ways. In: Covington, C. & Wharton, B. (eds) *Sabina Spielrein: Forgotten Pioneer of Psychoanalysis*. New York: Brunner-Routledge. pp. 271–286.
5. Freud, S. (1975) *Beyond the Pleasure Principle*. Translated from German by J. Strachey. London: W.W. Norton & Company.
6. Spielrein, S.N. (2008) *Teshcha* [The mother-in-law]. Izhevsk: ERGO. pp. 193–198.
7. Sells, A.M. (2017) *Sabina Spielrein: The Woman and the Myth*. New York: SUNY Press.
8. Carotenuto, A. (1982) *A Secret Symmetry: Sabina Spielrein Between Jung and Freud*, Translated from Italian by A. Pomerans, J. Shepley, K. Winston. New York: Pantheon Books.
9. Spielrein, S. (1986) *Ausgewählte Schriften*. Berlin: Verlag Brinkmann und Bose.
10. Wackenhut, I. & Willke, A. (1994) *Sabina Spielrein. Mißbrauchüberlebende und Psychoanalytikerin. Eine Studie ihres Lebens unter besonderer Berücksichtigung ihrer Tagebücher und ihres Briefwechsels*. Diss. Hannover.
11. Cooper-White, P. & Kelcourse, F.B. (2019) *Sabina Spielrein and the Beginnings of Psychoanalysis: Image, Thought, and Language*. New York: Routledge.
12. Launer, J. (2015) *Sex Versus Survival: The Life & Ideas of Sabina Spielrein*. New York: Overlook Duckworth.
13. Plastow, M.G. (2019) *Sabina Spielrein and the Poetry of Psychoanalysis: Writing and the End of Analysis*. New York: Routledge.
14. Ovcharenko, V.I. (1992) Sud'ba Sabiny Shpil'reyn [The Fate of Sabina Spielrein]. *Psikhoanaliticheskii vestnik*. 2. pp. 64–69.
15. Filatov, F.R. (2016) S.N. Spielrein's Conception of Destruction: Theoretical and Psychobiographical Aspects. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*. 13(2). pp. 246–259. (In Russian). DOI: 10.21702/rpj.2016.2.18
16. Spielrein, S. (1911) Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox). *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. 3(1). pp. 329–400.
17. Spielrein, S. (2008) *Destruktsiya kak prichina stanovleniya* [Destruction as the Cause of Becoming]. Izhevsk: ERGO. pp. 109–154.
18. Jung, C.G. (1972) The Psychological Foundations of Belief in Spirits. In: Read, H., Fordham, M. & Adler, G. (eds) *Collected Works*. Vol. 8. Translated from German by R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press. pp. 301–318.
19. Jung, C.G. (1978) Archaic Man. In: Read, H., Fordham, M. & Adler, G. (eds) *Collected Works*. Vol. 10. Translated from German by R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press. pp. 50–73.
20. Jung, C.G. (1982) The Psychology of Dementia Praecox. In: Read, H., Fordham, M., Adler, G. & McGuire, W. (eds) *Collected Works*. Vol. 3. Translated from German by R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press. pp. 1–151.
21. Spielrein, S.N. (2008) O psihologicheskom soderzhanii odnogo iz sluchaev shizofrenii (dementia praecox) [On the psychological content of a case of schizophrenia (Dementia Praecox)]. In: Sirotkin, S.F. & Morozova, E.S. (eds) *Psikhoanaliticheskie trudy Sabiny Shpil'reyn* [Sabina Spielrein's Psychoanalytic Writings]. Izhevsk: ERGO. pp. 3–85.
22. Jung, C.G. (1982) On the Psychogenesis of Schizophrenia. In: Read, H., Fordham, M., Adler, G. & McGuire, W. (eds) *Collected Works*. Vol. 3. Translated from German by R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press. pp. 233–249.
23. Spielrein, S. (1912) Die Destruktion als Ursache des Werdens. *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. 4(1). pp. 465–503.
24. Jung, C.G. (1972) On the Nature of Psyche. In: Read, H., Fordham, M. & Adler, G. (eds) *Collected Works*. Vol. 8. Translated from German by R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press. pp. 159–234.
25. ETH Zürich University Archive. (n.d.) *C.G. Jung Papers Collection*. HS 1055: 957.

26. Flournoy, T. (1906) Quelques faits d'imagination créatrice subconscient. *Archives de psychologie*. 5. pp. 36–51.
27. Jung, C.G. (2003) *Erinnerungen, Träume, Gedanken*. Zurich: Walter Verlag.
28. Spielrein, S. (1979) Über Transformation. In: Nunber, H. & Federn, E. (eds) *Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung*. Vol. 3. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag. pp. 314–316.
29. Mechnikov, I.I. (1988) *Etyudy optimizma* [Body Studies]. Moscow: Nauka. pp. 90–127.
30. Jung, C.G. (1977) Mysterium Coniunctionis. In: Read, H., Fordham, M., Adler, G. & McGuire, W. (eds) *Collected Works*. Vol. 14. Translated from German by R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press.
31. Nietzsche, F. (1999) *Also sprach Zarathustra*. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG.
32. Jung, C.G. (1976) Symbols of Transformation. In: Read, H., Fordham, M., Adler, G. & McGuire, W. (eds) *Collected Works*. Vol. 14. Translated from German by R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press.
33. Spielrein, S. (2008) Vklad v poznanie detskoy dushi [Contributions to Understanding a Child's Mind]. In: Sirotkin, S.F. & Morozova, E.S. (eds) *Psikhoanaliticheskie trudy Sabiny Shpil'reyn* [Sabina Spielrein's Psychoanalytic Writings]. Izhevsk: ERGO. pp. 155–178.

*Received 06.05.2019; Revised 29.01.2020;
Accepted 31.01.2020*

Valentin V. Balanovskiy – Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University. Cand. Sc. (Philosophy), member of the International Association for Spielrein Studies. E-mail: v.v.balanovskiy@ya.ru